

25.5.95.

РАСКОПКИ

Обзор 10-1995 -
15-31 мая - В 10

И мы страдали...

К 90-летию Михаила Шолохова

Из архива Якова РЮМКИНА

ОСЛЕД Карамзину, который открыл обществу глаза на то, что и крестьянки любить умеют, Валентин Осипов, автор книги «Михаил Шолохов. Годы, спрятанные в архивах...» (Роман-газета, № 3, 1995), объясняет нам, что писатель испытывал известного рода дискомфорт в отношениях с властью.

Правда, сам автор все время подчеркивает особую тонкость писательской душевной организации и находит этому дискомфорту другие названия: «раны. Шрамы же на всю жизнь», «шрам к шраму», «удар ножом в спину, согнутую под столом», «власть коротких, жестких удил», «истинно Голгофа: каждый день словно шаги в неизвестное с крестом тяжелой судьбы на плечах. День — шаг. День — шаг». Нет, читатель, это не о Мандельштаме, Ахматовой, Пастернаке, не о Платонове, Бабеле, Булгакове. Это именно о Михаиле Шолохове.

А может, и правда раны, а может, и правда шрамы. А вдруг архивы скрывали от читателя Голгофу — кто знает, какую неведомую нам и страшную цену приходилось писателю платить за всенародную славу, Ленинско-Нобелевскую премию и дружбу с вождями накоротке.

Что же оказалось скрытым от посторонних глаз?

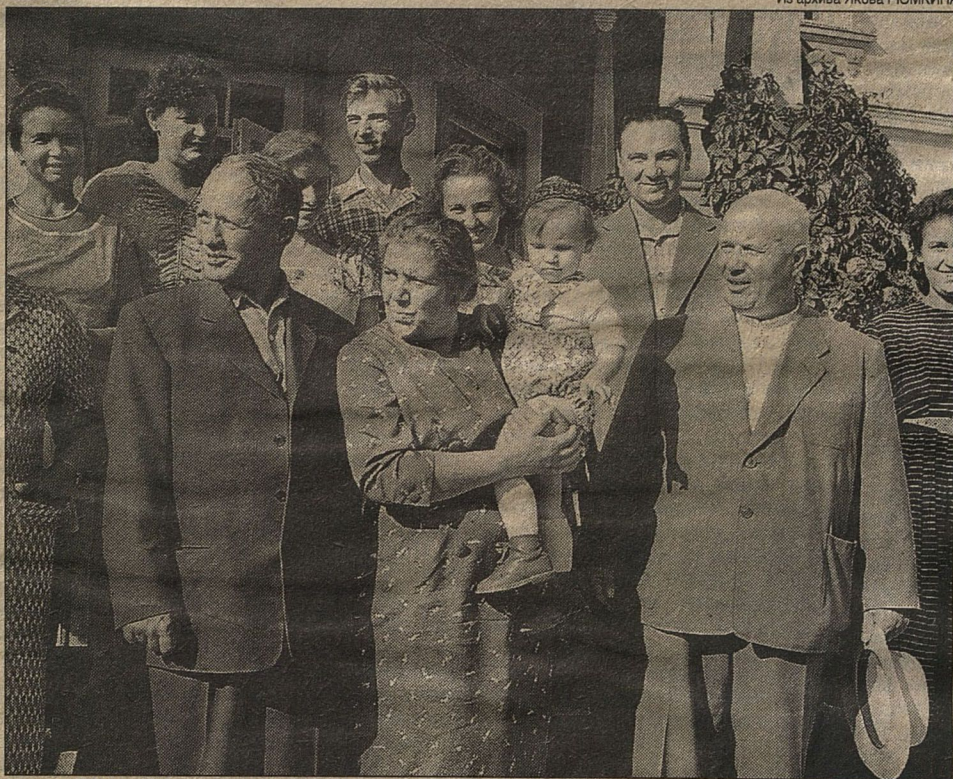
Вот молодой Шолохов написал письмо своему первому редактору Левицкой — о том, что творится на Дону, о расправе над середняком. А Левицкая, в свою очередь, чуть сократив, переслала письмо Сталину. А тот на письмо Шолохову и не ответил. И велел Молотову форсировать вывоз хлеба. «Пренебрег мнением писателя», — обидчиво пишет Осипов. Ну для особо трепетной природы и правда, может быть, неприятно. Хотя мне, например, интересно совсем другое: как это редактор издательства вот так запросто передает письмо первому лицу в государстве?

Приостановили очередную часть «Тихого Дона» — «Жесток удар. Быть или не быть роману? У кого искать защиту?». Почти забываешь, что перед тобой не златокудрое осиротевшее нежное дитя, а писатель, о котором Петр Палиевский заметил: трагедия, которой любому европейскому писателю хватило бы на целый роман, у Шолохова становится проходным сюжетом.

Список претензий к человечеству почти бесконечен: вот вышла статья, в которой перечисляются литературные мэтры, — а фамилия Шолохова даже не названа или названа в списке прочих. Вот делает доклад очередной литературный комиссар — и опять не упоминает Шолохова. У архивиста сердце сжимается: «Догадываюсь, что фамилия инакомыслящего выпала из доклада не по забывчивости». Вот Шолохов, уже хорошо знакомый с отцом народов, просит о приеме или посылает тому письма, а Сталин то ответит, то проигнорирует. И правда, неприятно. Вот Пастернаку Сталин обещал встретиться и поговорить — так тот почти заболел от ожидания. Но история противостояния Пастернака и власти все-таки не этим ожиданием исчерпывается.

Или вот еще, Сталин похвалил в письме Кагановичу «Поднятую целину», а от народа отклик скрыл, не обнародовал. «Почему же оценка осталась тайной? Уверен в одном: это не случайность».

Архивист все готовит нас к надвигающейся трагедии, и вот она: «А над Шолоховым все топор. В этом году Шолохов чуть не погиб». История такая: Шолохов в Москве с бывшим земляком, которого перевели в Москву с повышением в НКВД, отужинал, а по возвращении в гостиницу у него заболел живот. «Нашел силы вызвать Кудашева (того самого знакомого — Е.Д.). Кудашев добился врача из правительственной больницы. Тот приказывает после осмотра: быть операции, диагноз — приступ аппендицита. Свезли в больницу. Пока хирурги ждали, сестра подошла — сама молчит, но взгляды и жесты так выразительны, что Шолохов понял: надо бежать... Уж как удалось, подробности неизвестны, но Кудашев помог вернуться в гостиницу и раздобыл теплого моло-

Начало 60-х гг. Н.С. Хрущев и М.А. Шолохов с семьями у дома писателя

ка. Отпоил. Приступов аппендицита никогда больше не было». «Как жить, как творить в такую годину...» — сокрушается автор.

А у меня опять вопрос о другом: а зачем, если уж так страшно, «добиваться врача из правительственной поликлиники»? Что бы гостиничную медсестру позвать или врача скорой помощи вызвать?

Это покушение не состоялось. Но, чуть спустя, «в склоненную над столом спину удар». Оказывается, в «Литературной газете» вскользь говорится о том, что в «Настоящем» появилась статья «Почему Шолохов понравился белогвардейцам?».

Большие глаза архивиста и постоянное нагнетение ужаса по схеме «в черном лесу стоит черный-пречерный дом, в черном-пречерном доме — есть черная-пречерная комната...» вам не надоели? Тогда процитирую письмо самого Шолохова: «Будьте добреньки, — пишет он Левицкой; — если нельзя мне прислать этого номера «Настоящего», перепечатайте и пришлите. Очень интересно...» Да нет, понимаешь, нормальный человек.

Через строчку — неподкупный писатель. Причем у читателя навязчивая идея о шолоховской неподкупности неизбежно вступает в конфликт со стыдливо и мимоходом обозначенными возможностями самого Шолохова. Оставим переписку с вождем — это и правда могло быть опасно. Но какая степень причастности к власти была нужна еще, чтобы выгнать из тюрьмы своего друга — местного партийного начальника, вынудить Сталина присылать в станицу хлеб, чтобы народ не перемер с голода, провести в свою станицу водопровод, поставить там электростанцию и следить за тем, чтобы там вовремя меняли турбины, открыть в Вешенской педучилище, купить на свои деньги местной школе машину. Можно быть неподкупным и не брать ничего из рук власти. Но брать и быть неподкупным? Может быть, власть и подозревала, что Михаил Александрович, несмотря ни на что, имел какие-то свои частные претензии, но это как-то иначе называется.

У архивиста была возможность: показать, как и чем на самом деле жил Шолохов. С кем дружил, с кем сидел за столом и о чем говорил (судя по всему, автор это знает), как любил рыбалку и охоту, чем на самом деле были для Шолохова отношения со Сталиным и Хрущевым. Самым интересным в книжке оказывается письмо к Сталину, где писатель рассказыва-

ет, что жена не дает ему выпить коньяк, подаренный вождем. Здесь — живой человек. А не в уязвленных комментариях к цитатам из «Правды» полувековой давности.

Архивист, желая оградить своего героя от обвинений в сталинизме, холуйстве, продажности, пытается объяснить, что и у живого классика жизнь — не мед, делает из писателя мелкого, уязвленного, зашкленного на своих ничтожных обидах человека. Здесь счет на века и на копейки. Здесь любое слово и жест истолковываются как желание обидеть. Не упомянули Шолохова — «замалчивают», упомянули мельком — «затирают», похвалили — опять рассказчик горько: «Раздрай! Власть тянет Шолохова в свои ряды». Поистине, и власть уж вызывает сочувствие.

По сути Валентин Осипов имеет сообщить следующее: станицу свою и земляков Шолохов любил, людей лично ему симпатичных пытался спасти, если была возможность не очень холуйствовать — то и не очень холуйствовал. А ведь мог бы...

Не стал подонком — большое человеческое спасибо.

Но для «жития» все же маловато будет. Но защитникам писателя оно кажется неременным, необходимым — «и мы страдали».

Недавно вышла книжка чекиста, который работал в НКВД как раз в конце тридцатых годов. Очень доказательно там рассказывается, какая это адская работа была. Какие репрессии обрушивались на НКВД — и правда, на каждой странице фамилия и сноска внизу: «расстрелян тогда-то». Очень «пелестрадало» НКВД в 1937 году. Молотов, Калинин тоже, как известно, нахлебались от тоталитаризма.

Один взрослый и неглупый человек с полным сочувствием к себе рассказывал о нехватке витаминов в детстве. Семья жила в Сибири, отец служил каким-то лагерным начальником.

Но ведь и правда кому-то витаминов не хватало. А кому-то они и не понадобились. И то, и то, в сущности, проблема.

Любят на Руси мучеников. А жить хотят в свое удовольствие.

Остается только вопрос. Что делать с посмертной памятью? Русская пословица цинично объясняет: свято место пусто не бывает. И занято оно — так уж получилось — не Михаилом Шолоховым.

Екатерина ДАНИЛОВА

Шолохов Михаил